

За этот день А-Мо окончательно убедился: Цай Ань и Лун Юй были из одного теста. В любом другом месте гостя встретили бы если не чаем, то хотя бы радушием. Здесь же всё было иначе. За день порог переступили пять групп: две забрели по ошибке, а три — явно за чашами. По этим трём сразу было видно: не простые смертные, да и помыслами не чисты.

Цай Ань даже бровью не повёл. Он стоял за прилавком, листая книгу и лениво поглощая принесённую из трактира еду. А-Мо никак не мог взять в толк, почему тот принципиально не желает присесть.

— Там не место таким, как мы с тобой.

От этих слов А-Мо так и вспыхнул. Что значит «таким»? При жизни он был сыном благородного дома — пусть и в империи, где правили женщины, но статус его был высок! С чего бы вдруг в устах Цай Аня он стал человеком второго сорта?

— Ты хоть представляешь, кто наш господин? — Цай Ань по-прежнему не поднимал глаз от страниц. — Только Владыка Яи ему ровня.

Он сказал это так буднично, будто титул Владыки Преисподней не стоил и ломаного гроша. Случись этот разговор в большом мире, главы великих кланов от ярости зубы бы стёрли в порошок.

Ходили слухи, что Владыка Преисподней буквально преследовал Миньхоу, не давая прохода. Из-за этого семья Юханьсэнь из мира Асуров едва не развязала войну с Подземным царством. А когда трое старейшин Преисподней посмели строить козни против Миньхоу, Яи самолично пустил их под нож. В глазах большинства это Лун Юй ухватился за удачу, став избранником Миньвана, но старая госпожа Юханьсэнь считала иначе: это негодник Яи обманом заманил её любимого внука! Её сокровище фактически снизошло до этого брака!

— Пфе! И что в нём такого особенного? — беспечно бросил А-Мо.

Цай Ань поднял на него тяжёлый взгляд, затем снова уткнулся в книгу. Послышался сухой шелест перелистываемой страницы, точно в тишине что-то треснуло.

— Видишь ты в нём толк или нет — дело десятое. Главное, запомни: ту самую страну Сюаньжу уничтожил мой господин.

Договорив, он замолчал, полностью погрузившись в чтение.

А-Мо застыл, точно громом поражённый. Знал ли он, что Сюаньжу стёрта с лица земли? Разумеется. Об этой катастрофе говорили как о небесной каре: за одну ночь целое государство превратилось в пепелище. Но он и помыслить не мог, что за этим стоит Лун Юй. Каким же чудовищем нужно быть, чтобы уничтожить страну за несколько часов, не встретив ни капли

сопротивления? Наверняка люди гибли прямо во сне, даже не успев осознать, что происходит.

Это было по-настоящему страшно.

Смертные всегда были такими: поклонялись богам, но стоило им встретить нечто иное, как в них просыпалась ненависть. «Чужая кровь — вражья кровь», как говаривали в старину.

Последующие дни стали для А-Мо сущим кошмаром. Ежедневно ему вручали новый каталог сосудов, и пока он не заучивал всё до единого слова, о сне не могло быть и речи. К счастью, он больше не был человеком, иначе давно бы лишился рассудка. Лун Юй всё это время не показывался. А-Мо не покидало чувство, что хозяин тайно натравливает на него Цай Аня, просто чтобы поиздеваться.

На третий день истязаний в лавку зашёл гость. Хотя «человек» — было бы слишком громким словом. Ростом он был столь велик, что макушкой почти задевал притолоку. Его лицо походило на иссохшую в засуху землю: глубокие борозды-шрамы дробили кожу на грубые лоскуты, словно разбитую вазу пытались склеить на скорую руку. Выглядело это жутко.

Если Лун Юй и Яи были высокими мужчинами, то этот гость буквально втискивался в двухметровый проём.

А-Мо почувствовал, как в груди спёрло от тяжёлой ауры пришельца.

— Ты здесь за главного? — Голос великана прогрехотал так, что у А-Мо зазвенело в ушах.

Не успел он и рта раскрыть, как из внутреннего двора вышел Цай Ань. Окинув гостя холодным взглядом, он бросил:

— Пришёл силами меряться?

Только что кипевший спесью великан внезапно рухнул на колени. Он трижды отвесил земной поклон, не смея поднять головы.

— Господин Цай, доброго здравия! — пролепетал он. — Дома ли Великий князь Юэе? Нижайше прошу позволения засвидетельствовать почтение!

— Будь Цзи Лянь здесь, ты бы и порога не переступил, — фыркнул Цай Ань. — А теперь проваливай туда, откуда пришёл. Если потревожишь сон моего господина, головой ответишь.

— Благодарю за милость! Уже ухожу! Улетаю!

Огромный детина снова трижды ударил челом о пол и на цыпочках, почти не касаясь земли, попятился к выходу.

А-Мо наблюдал за этой сценой с отвисшей челюстью.

— Что это сейчас было? Что за существо?

— Всего лишь лихой мертвец, застрявший в мире людей, — небрежно отозвался Цай Ань.

А-Мо опешил ещё сильнее. Он выглянул за дверь: на улице сияло ослепительное солнце. Разве такие твари не должны бояться дневного света?

— Те, кто тренируется десять тысяч лет, могут ходить под солнцем. Если не губят невинных и не вредят миру, им позволено оставаться, — пояснил Цай Ань.

Конечно, в его словах была лазейка: разве есть в этом мире кто-то абсолютно невинный, кроме младенцев?

Подобные духи отличались от призраков, рождённых из обиды. Обычный призрак мстит и уходит на перерождение. Эти же порождены самой тьмой и тяжёлой злобой. Возможно, когда-то они были людьми, а может, соткались из самого мрака. Те, кто достигает десяти тысяч лет практики, могут сойти на путь истинный, но считаются они уже не призрачными заклинателями, а демоническими.

«Надо же, — моргнул А-Мо. — Этой образине десять тысяч лет? И всё равно урод уродом».

Но почему этот монстр так боялся Цай Аня? Неужели тот настолько силён?

— Иди, протри стол. И ничего на нём не перепутай, — скомандовал Цай Ань, заметив его замешательство.

А-Мо мысленно выругался. «Протирать этот стол по сто раз на дню... Делать больше нечего!»

Однако спорить он не посмел. А-Мо взял мягкую ткань и принялся за работу. Столешницу нужно было не просто тереть, а натирать особым составом, похожим на воск, повторяя движения сотни раз. Он не понимал смысла этой процедуры, но знал: если схалтурит, Цай Ань заставит его тереть дерево до рассвета, а потом ещё и за каталоги усадит. Душевная боль была куда невыносимее физической усталости.

Он аккуратно переставил вещи со стола.

Старинная курильница на трёх ножках. Сделанная не из фарфора или бронзы, а из камня — иссиня-чёрного, отполированного до зеркального блеска. Ни узоров, ни гравировок — простая до неприличия. А-Мо подозревал, что в ней скрыто нечто особенное, раз уж она не соответствовала изысканному вкусу Миньхоу.

Он поставил её слева, ближе к окну. Перед ней расположил поднос из тёмного дерева. Он был небольшим, но удивительно тяжёлым — точно не сандал и не агар. На нём лежал белоснежный платок, отливающий в солнечных лучах голубизной. Ткань на ощупь была нежнее шёлка.

Последним предметом был стеклянный флакон, с которым в последнее время часто забавлялся Лун Юй. Обычная вещица, если бы не свет внутри: яркая искра плавала в жидкости, то поднимаясь, то опускаясь, пульсируя в таинственном ритме.

А-Мо поднял флакон на свет. Внутри стеклянных стенок заиграли блики, и световой шар задвигался быстрее, словно затрепетал от тревоги. Любопытство взяло верх. А-Мо поднёс флакон к самому лицу, почти касаясь холодного стекла.

Световой шар замер прямо напротив его зрачка.

Внезапно пространство внутри флакона исказилось. Вместо искорки А-Мо увидел огромный глаз — фиолетовый, почти чёрный, он смотрел на него с нечеловеческой яростью.

А-Мо вскрикнул и отпрянул, выронив флакон. Раздался звон разбитого стекла. Осколки разлетелись по полу, сверкая, точно лепестки диковинного цветка.

Цай Ань мгновенно выскочил из-за занавеси. Увидев черепки, он одарил А-Мо взглядом, в котором читалось однозначное: «Ты покойник».

— Я не специально! Оно само...

Он не успел договорить. Небо, мгновение назад залитое солнцем, внезапно потемнело. Поднялся шквалистый ветер, иссиня-чёрные тучи, точно дно старого котла, нависли над городом. Сверкнула молния, ударил гром, и на землю обрушился яростный ливень. За стеной воды мгновенно исчезла улица.

Цай Ань нахмурился, глядя на дождь.

— Кажется, к нам идёт гость.

— Что? — А-Мо не поверил своим ушам. Кто пойдёт в такую погоду?

Но тут он услышал шаги. Чёткие, размеренные шаги по воде. Он уставился на порог и вдруг

осознал: ливень на улице неистовствует, но ни одна капля не залетает внутрь дома.

Из серой пелены дождя показался силуэт. Вскоре гость ступил под крышу.

Это был молодой мужчина с необычными пепельно-серыми волосами. Одетый в простое зелёное одеяние, он казался болезненно худым. В руках он держал ярко-красный зонт. Когда он сложил его, А-Мо увидел лицо: бледное, с тонким носом и полными губами. Глаза незнакомца были плотно завязаны чёрной шёлковой лентой. Несмотря на слепоту, он двигался уверенно. Поставив зонт у двери, он стряхнул капли с одежды и «посмотрел» на ряды кубков на полках.

— Я ищу одну вещь, — его голос был тихим и прохладным, точно весенний ветерок.

А-Мо открыл рот, чтобы ответить, но его опередили.

— И что же ты ищешь? Прошлое? Будущее? Или то, что было утрачено?

Лун Юй бесшумно спустился со второго этажа. На нём было лунно-белое одеяние с серебряным узором Яцзы. Длинные волосы почти касались пола. Он ступал в мягких туфлях совершенно беззвучно, а в его узких глазах ещё стояла дымка недавнего сна.

— Я ищу некую вещь. Но не знаю, что это, — ответил мужчина.

— Не спеши, — Лун Юй жестом указал на стол. — Присядь, подумай.

Незнакомец послушно подошёл и сел напротив хозяина. Он поднял голову к Лун Юю, и на его лице промелькнуло странное, почти восторженное выражение.

— Ваши глаза... они прекрасны. Когда-то и у меня были такие.

— Расскажешь мне об этом? — Лун Юй взмахнул рукой, и на столе из ниоткуда появились две чашки дымящегося чая.

Мужчина обхватил чашку ладонями и заговорил:

— Это очень печальная история...

<http://bllate.org/book/17533/1705779>